

ПАРАДОКСЫ ЛОКАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧ- НОСТИ



Под общей редакцией
В.А. Касамары, Ю.Ю. Беловой



Издательский дом
Высшей школы экономики
МОСКВА · 2025

УДК 316.4+314.7+323.2
ББК 60.524.1+60.542.15
П18



<https://elibrary.ru/hctuxz>

Рецензенты:

Е.Л. Омельченко, д-р социол. наук, директор Центра молодежных исследований, профессор департамента социологии

НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург;

А.В. Селезнева, д-р полит. наук, доцент кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова

Авторский коллектив:

Ю.Ю. Белова (гл. 2, 3, заключение); *Д.Э. Дорфман* (гл. 5); *М.А. Еременко* (гл. 1);

В.А. Касамара (благодарности, введение); *М.Э. Муравицкая* (гл. 4, 5);

К.М. Насонова (Арно) (гл. 5); *В.Т. Сакаев* (гл. 2–4); *Л.А. Семилетова* (гл. 6);

Д.А. Сорокин (гл. 1, 2); *Д.С. Чебанова* (гл. 1, 6); *А.Н. Шилина* (гл. 4, 5)

Парадоксы локальной идентичности: как молодежь ищет место под солнцем [Текст] : коллект. моногр. / под общ. ред. В. А. Касамары, Ю. Ю. Беловой ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2025. — 248 с. — 600 экз. — ISBN 978-5-7598-4126-5 (в обл.). — ISBN 978-5-7598-4090-9 (e-book).

Монография подготовлена Институтом прикладных политических исследований НИУ ВШЭ по результатам серии экспедиций на тему «Модели локальной идентичности и социально-политические практики молодежи» (2022). В фокусе исследования — молодежь в возрасте от 22 до 35 лет четырех регионов России: Псковской области, Карачаево-Черкесской Республики, Челябинской области и Камчатского края. Дизайн исследования разработан с помощью метода «длинного стола» и опирается на «восьмиоконную» выборку И.Е. Штейнберга. В собранных в ходе экспедиций более 450 глубинных интервью участвовали самые разные респонденты с различными миграционными установками (стремящиеся уехать, остаться в регионе, возвратиться в него или переехать из другого региона), а также эксперты в сфере молодежной политики. В монографии показано, как сосуществуют, пересекаются и вступают в противоречие идентичность и миграционные установки молодежи.

Книга адресована специалистам в области молодежной политики, социологам, политологам, демографам, а также всем интересующимся проблемами локальной идентичности и оттока молодежи из регионов России.

УДК 316.4+314.7+323.2
ББК 60.524.1+60.542.15

Опубликовано Издательским домом Высшей школы экономики
<http://id.hse.ru>

doi:10.17323/978-5-7598-4126-5

ISBN 978-5-7598-4126-5 (в обл.)
ISBN 978-5-7598-4090-9 (e-book)

© Авторы, 2025

Содержание

Благодарности.....	5
Введение (<i>В.А. Касамара</i>).....	8
Глава 1. Идентичность в социальных науках. Появление концепта и его эволюция (<i>Д.С. Чебанова, М.А. Еременко, Д.А. Сорокин</i>)	11
Глава 2. Методологические основы исследования локальной идентичности молодежи (<i>Ю.Ю. Белова, В.Т. Сакаев, Д.А. Сорокин</i>)	41
Глава 3. Псковская область. Кто здесь бывал — сюда еще вернется (<i>Ю.Ю. Белова, В.Т. Сакаев</i>)	62
3.1. Общая характеристика региона. Без суеты.....	62
3.2. Чувства. Необыкновенная аура.....	70
3.3. Территория. Слияние с природой.....	72
3.4. Культура и история. Корнями глубоко в веках	75
3.5. Сообщество. Смотреть в окно и видеть знакомых	81
3.6. Миграционные установки и идентичность молодежи. Возвращенцы и приезжие Псковщины.....	84
Глава 4. Карачаево-Черкесская Республика. Каждый — чей-то родственник (<i>А.Н. Шилина, М.Э. Муравицкая, В.Т. Сакаев</i>)	101
4.1. Общая характеристика региона. Красота природы и трудолюбивый народ	101
4.2. Чувства. Гордость за предков и современников.....	105
4.3. Территория. Роль ландшафта в локальной идентичности.....	108

4.4. Культура и история. Чувство горечи как реакция на исторические травмы	113
4.5. Сообщество. Особая энергетика	120
4.6. Миграционные установки и опыт молодежи. Обратно к родителям и родственникам	123
Глава 5. Челябинская область: единственные, кто встретил метеорит (<i>А.Н. Шилина, М.Э. Муравицкая, Д.Э. Дорфман, К.М. Насонова (Арно)</i>).....	131
5.1. Общая характеристика региона. Край заводов	131
5.2. Чувства. Гордость за малую родину	140
5.3. Территория. Горы, озера, парки	146
5.4. Культура и история. Что сближает жителей области.....	149
5.5. Сообщество. Знаешь наизусть каждый закуток, и каждый второй — чей-то знакомый	156
5.6. Миграционные установки и опыт молодежи. Где родился, там и пригодился.....	162
Глава 6. Камчатский край: нетронутое человеком место, изолированный рай (<i>Д.С. Чебанова, Л.А. Семилетова</i>).....	178
6.1. Общая характеристика региона. Куда ни посмотри — Камчатка.....	178
6.2. Чувства. Любовь на расстоянии	183
6.3. Территория. Уникальная красота природы.....	187
6.4. Культура и история. Значимые исторические события	191
6.5. Сообщество: взаимовыручка, обусловленная суровой природой	198
6.6. Миграционные установки и опыт молодежи. Переселенческий менталитет	203
Заключение (<i>Ю.Ю. Белова</i>).....	229
Приложение. Инструментарий исследования.	
Гайд интервью	236
Сведения об авторах.....	245

Благодарности

Залог любого успешного проекта, тем более исследовательского, — это интересная идея, профессионализм и энтузиазм команды, равнодушные люди, способствующие реализации задуманного, и удача. Нашему исследованию, которое проводилось сотрудниками Института прикладных политических исследований (ИППИ) и студентами НИУ ВШЭ в течение 2022 года в ходе студенческих экспедиций «Открываем Россию заново», повезло, как нам кажется, и с идеей, и, что самое главное, с людьми.

Идея Юлии Беловой провести запланированные экспедиции по методу «длинного стола» и обратиться за помощью в этом к Илье Штейнбергу вылилась в подготовку методологии исследования на специализированных социологических курсах «Школа-студия полевого исследователя-качественника», проведенных в Институте социологии РАН (Москва) весной 2022 года. Спасибо огромное руководителю школы Илье Ефимовичу Штейнбергу за готовность поделиться опытом и знаниями со всей нашей исследовательской командой.

Благодарим Юлию Белову, которая не только курировала ход всего исследования, отвечала за разработку инструментария и консультировала коллег по проведению интервью, но и вложила много сил в подготовку нашей монографии. Юлия также была руководителем первой экспедиции в **Псковскую область**. Только тот, кто хоть раз затевал подобные мероприятия, может оценить всю нагрузку, которая ложится на плечи руководителя. Спасибо соруководителю экспедиции Василию Сакаеву, который помог в проведении исследования и поддерживал Юлию. Участники псковской экспедиции стали первопроходцами этого исследования. Именно на Псковской земле отработывался и корректировался инструментарий, а студенты старших курсов погружали в полевую работу политологов-первокурсников. Экспедиции в остальные регионы в результате сравнивали именно с псковской. Не можем не поблагодарить Анастасию Фандуберину (образовательная программа «Социология»), Дарью Чебанову, Анастасию Шинакову, Артема Гозбенко,

Владимира Маркова, Савелия Клышко, Арсения Кузнецова, Глеба Смородина, Глеба Зинцова, Феофанию Ладыгину, Полину Березняковскую, Глеба Токаря, студентов образовательной программы «Политология» факультета социальных наук НИУ ВШЭ за любовь к исследованиям и Псковской области. Отдельная благодарность Анне Шигиной за любовь к Серёдке и организацию фестиваля в этом удивительном месте. И ничего бы у нас не получилось, если бы не Наталья Германовна Плявинская, которая, будучи генеральным директором Фонда инвестиционного развития Псковской области, сделала всю команду болельщиками своего любимого региона и познакомила с замечательными псковичами.

В **Челябинскую область** отправилась команда под руководством Катрин Насоновой (Арно) и Анны Шилиной (соруководитель), которым мы благодарны за четкость и ответственность, стойкость и смелость. Спасибо Даниилу Дорфману, студенту и другу, который уже имел опыт полевых исследований и профессионально очень окреп именно в ходе челябинской экспедиции. Спасибо Маргарите Муравицкой, Анне Беяковой, Анне Валиулиной, Екатерине Заваде, Артему Зельдичу, Юлии Конновой, Яне Лысюк, Владиславу Панину, Даниилу Смирнову, участникам экспедиции, которые открыли для себя, что Челябинская область — это не только центр черной металлургии, но и край озер и прекрасной природы. И отдельная благодарность Лие Семилетовой за любовь к Трехгорному и участие в мероприятиях города, а также за желание оставить там частичку своей души. Если бы не Светлана Гаязовна Калимуллина, начальник Главного управления молодежной политики Челябинской области (в настоящее время — заместитель министра образования и науки Челябинской области), то многое точно пошло бы не по плану, поэтому спасибо Вам огромное, без Вашей энергии и задора все было бы тусклым.

Экспедиция в **Карачаево-Черкесскую Республику** прошла под руководством Дмитрия Сорокина и соруководством Василя Сакаева, которым мы благодарны за глубокое погружение в специфику региона и выполнение всех намеченных планов, несмотря на лето и пьянящую красоту региона. Спасибо Валерии Бархвостовой, Екатерине Гук, Стефании Иветич, Элине Керимовой, Савелию

Клышко, Александру Коковихину, Арсению Кузнецову, Сухайлу Ниязову, Григорию Сметкину, Дарье Чебановой, Анастасии Шинаковой за слаженную работу и умение решать любые задачи в самых разных условиях. Отдельные слова благодарности выражаем Николаю Бережному, чья камера и творческий взгляд на мир запечатлели красоты республики. За гостеприимство и всестороннюю помощь глубокая благодарность Ибрагиму Ильясовичу Тоторкулову, министру по делам молодежи Карачаево-Черкесской Республики, без которого регион никогда бы не заиграл теми красками, которые увидели участники экспедиции.

Экспедиция в **Камчатский край** — самая далекая и самая долгожданная — прошла под руководством Катрин Насоновой (Арно) и при участии уже опытных студентов-исследователей: Лии Семиловой, Полины Березняковской, Артема Зельдича, Владимира Маркова, Глеба Смородина, Глеба Токаря, Глеба Зинцова, Стефании Иветич, Феофании Ладыгиной, Алексея Ентаева. Без вашей самоотдачи, исследовательского любопытства и профессионализма исследование вряд ли состоялось бы. Отдельно благодарим Дарью Чебанову, которая написала дипломную работу про транспонирование региональной идентичности молодежи при переезде в мегаполис, взяв в качестве кейса Камчатку. Спасибо Александре Сергеевне Лебедевой, заместителю Председателя Правительства Камчатского края, чье неравнодушие, включенность в работу экспедиции и участие в организации исследования помогли не только реализовать все поставленные задачи, но и всей душой полюбить этот край. И отдельные слова признательности передаем нашим собеседникам, благодаря которым мы погрузились в тему локальной и региональной идентичности граждан нашей огромной и такой многогранной страны.

Особые слова благодарности выражаем нашим рецензентам, опытным и авторитетным исследователям молодежи — доктору социологических наук, директору Центра молодежных исследований, профессору департамента социологии НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург Е.Л. Омельченко и доктору политических наук, доценту кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова А.В. Селезневой.

Введение

В.А. Касамара

О введении к этой книге я думала по дороге из Китая. На мониторах в салоне самолета показывали наш маршрут, на котором появлялись разные населенные пункты. И вдруг я поймала себя на мысли, что Кунгур и Лысьва остались бы для меня ничего не значащими названиями, если бы мы в рамках проекта Высшей школы экономики не проводили там экспедиции «Открываем Россию заново». В 2017 году, во время наших первых экспедиций, сотрудники Института прикладных политических исследований со студентами Высшей школы экономики отработывали на практике полученные знания, навыки, методы, получали опыт полевых исследований, но главной целью было почувствовать специфику своей будущей профессии и погрузиться в жизнь самых разных регионов нашей страны.

Проблемы оттока молодежи из родных сел и городов, карьерные перспективы молодых специалистов и проблемы трудоустройства, привлекательность региона для жизни, ожидания и ценностные ориентации молодежи стали ключевыми темами экспедиций ИППИ доковидного периода в Магаданскую и Калининградскую области, в республики Саха (Якутия), Бурятия и Удмуртия, в город Севастополь и др. Результаты всех экспедиций носили прикладной характер, поскольку исследования были направлены на поиск путей решения вопросов, волнующих как молодежь регионов, так и органы исполнительной власти; но тогда нам еще не хватало опыта и смелости, чтобы сразу выходить на потенциальных заказчиков и совместно обсуждать цель и задачи экспедиции, которые были бы выгодны всем заинтересованным игрокам: вузу, студентам, органам законодательной и исполнительной власти, региональной

молодежи. Продолжительность всего цикла занимала примерно два месяца: кабинетное исследование (14–28 дней), исследовательская экспедиция (10–14 дней), обработка данных и получение результатов (30 дней).

К 2020/2021 учебному году мы дозрели до ключевого изменения в проведении экспедиций — появления заказчика, заинтересованного в решении конкретных задач, имеющих практическую ценность для региона / муниципалитета / местного сообщества / некоммерческих организаций (НКО), и нацеленного на долгосрочное сотрудничество. Экспедиция становилась частью долгосрочного прикладного проекта по решению региональных проблем. Первым шагом были поиск регионального заказчика и совместное определение задач, требующих решения силами студенческих команд под руководством сотрудников ИППИ — выработки конкретных мер по повышению качества проводимых регионом политик в различных сферах (молодежной, социальной, культурной, коммуникационной и проч.). Так, шаг за шагом, мы нащупали взаимовыгодный и общественно полезный подход — обучение служением, когда заказчик получает варианты решения волнующей его проблемы, а студенты тренируются применять свои знания на практике.

В результате цикл экспедиционного проекта увеличился с двух месяцев минимум до года. Кабинетное исследование (проведение онлайн-интервью со студентами вузов и ссузов региона, анализ СМИ и социальных медиа, анализ статистических данных и программ регионального развития и проч.), длившееся примерно полгода, проходило сначала в рамках образовательного процесса в ходе преподавания одного из обязательных курсов (у политологов это был профориентационный семинар) и после его завершения продолжалось во внеучебное время. Исследовательская экспедиция, в ходе которой использовался метод включенного наблюдения, проводились интервью и фокус-группы, по-прежнему занимала около двух недель, но после полугодовой подготовки студенты чувствовали себя в поле намного увереннее. Обработка данных длилась от одного до трех месяцев. И важным этапом становилось

представление результатов исследования с конкретными предложениями либо на региональной молодежной площадке (форумы, фестивали и проч.), либо на встречах с руководством региона. Прделанная работа выливалась в долгосрочное сотрудничество студентов с регионом: участие в реализации городских/муниципальных проектов, осуществление собственных инициатив. По такому сценарию прошли экспедиции в Тамбовскую и Липецкую области, а также в Пермский край, где заказчиками исследования выступали органы власти, отвечающие за реализацию молодежной политики, и главы регионов.

Переход от прикладного к научно-исследовательскому формату — следующий этап в подходе к экспедициям. Предметом нашего исследования стали сосуществование, пересечение и вступление в противоречие идентичности и миграционных установок молодежи. Для экспедиций мы выбрали четыре региона, объединенных проблемой оттока молодежи. С апреля по сентябрь 2022 года мы провели в них экспедиции — и открыли для себя различные населенные пункты Псковской и Челябинской областей, Карачаево-Черкесской Республики и Камчатского края.

Книга, которую вы держите в руках, была задумана в начале обсуждений предстоящих экспедиций и стала вызовом для всей исследовательской команды, которая в таком составе работала впервые. Отрефлексировать и осмыслить результаты интервью, впечатления от новых мест, притереться к соавторам, успеть устать от наработанного материала и многократно возвращаться к тексту для доработки и шлифовки — все это делает нашу монографию, как и все подобные работы, уникальным исследовательским продуктом, который можно использовать для дальнейшего изучения темы локальной идентичности, для погружения в специфику российских регионов, для осмысления миграционных настроений и чувств к малой родине.

ИДЕНТИЧНОСТЬ В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ. ПОЯВЛЕНИЕ КОНЦЕПТА И ЕГО ЭВОЛЮЦИЯ

Д.С. Чебанова, М.А. Еременко,
Д.А. Сорокин

В современности концепт идентичности приобретает все большее значение в силу осмысления важности его роли в процессе формирования социальной структуры общества. Особенно важным этот аспект оказывается в моменты социальной турбулентности, так как позволяет стабилизировать и дополнять установки, пострадавшие из-за быстроизменяющегося социального контекста [Гельман, 2002, с. 42]. Кроме того, концепт идентичности является в определенном смысле связующим звеном между индивидом и сообществом, социальной группой, в которую он включен и частью которой сам себя ощущает.

Полидисциплинарность исследований и широта подходов к изучению идентичности обуславливают наличие в академической литературе большого количества разных дефиниций социальной идентичности, которые не позволяют говорить о консенсусе по поводу определения концептуального поля вокруг этого понятия, а также о четком обозначении его границ [Brewer, 2001], что приводит во многом к хаотичному и бессистемному использованию понятия идентичности в разных академических работах.

Концепт идентичности изначально формировался в философской среде, где с точки зрения политической мысли в контекст политической науки его вводили уже Джон Локк (в сочинении «Опыт о человеческом разумении») [Локк, 2022] и Дэвид Юм (в «Трактате о человеческой природе») [Юм, 2022], рассматривая понятие «идентичность» в качестве синонима «тождественности». Значимым вкладом Д. Юма стало представление о том, что идентичность практически не имеет возможности для самоконструирования и развития изнутри. То есть еще в философской парадигме рождается понимание того, что любая коллективная идентичность конструируется извне и так или иначе зависит от того общества, к которому относится и в рамках которого развивается. В дальнейшем понятие идентичности получило свое развитие в работах Иммануила Канта, который рассматривал ее как акт, являющийся результатом синтеза усилий восприятий, чувственности, рационального и интеллектуального компонентов. При этом он всецело подчеркивал, что для понимания идентичности важно учитывать, что она является продуктом совместного бытия с другими и не может рассматриваться в вакууме или в приложении к какому-либо отдельному человеку [Eisenstadt, Giesen, 1995, p. 77]. Важно понимать, что еще до применения этого понятия в социальных науках и фокусированного переноса идентичности на некоторую социальную группу взаимосвязь индивида с сообществом осмысливалась философами как раз через концепт идентичности. В их понимании этот термин носит релятивистский характер и во многом опирается на субъективное восприятие его индивидом или группой. Завершает философскую (в классическом понимании) традицию мышления идентичности Георг Гегель [Гегель, 1992], который рассматривает данный концепт в качестве многоаспектного процесса, таким образом позволяя распространять мышление об идентичности на более крупные общности и структуры — нации, государства, институты и т.д.

Непосредственно в социальных науках концепт коллективной идентичности начинает оформляться ближе к середине XX века.

Традиционно формирование первичного понятийного аппарата вокруг концепта идентичности связывают с именем Эрика Эриксона [Эриксон, 1996], который агрегировал большинство подходов к описанию идентичности (философский, психологический, зарождающийся социальный), тем самым придав этому концепту междисциплинарный характер, вследствие чего он занял одно из центральных мест в академической мысли Запада.

В социальных науках идентичность изначально рассматривалась в рамках двух основных широких подходов. Прежде всего это *макросоциологический подход*, который подразумевает рассмотрение идентичности со структурной точки зрения, то есть через большие системы, частью (или связующим элементом) которых она является. Сторонниками данного подхода являются, например, Эмиль Дюркгейм, Толкотт Парсонс, Роберт Кинг Мертон. *Микросоциологический подход* [Гофман, 2000, с. 21–25] рассматривает проблему идентичности и ее концептуальные рамки с иного ракурса, опираясь в первую очередь на основания феноменологического подхода, символического интеракционизма и, позднее, социального конструктивизма, который в итоге позволяет идентичности обрести черты, характерные для современного понимания заданного концепта. Два указанных подхода значительно различаются как в трактовке самой идентичности, так и в исследовательской оптике и инструментарии, применяемых при изучении понятия.

Макросоциологический подход опирается на заложенные Дюркгеймом [Дюркгейм, 1996, с. 10] идеи, в том числе о том, что человек представляет собой определенную двойственную структуру, включающую индивидуальный и общественный элементы. В дальнейшем это позволило Дюркгейму и его последователям обращаться к «социальной сущности», послужившей в определенной степени прообразом социальной идентичности. С системой ролей и статусов в социуме работал и Парсонс [Парсонс, 1998, с. 15–23]. Он обезличивал человека, а процесс построения «социальной сущности» обращал в безальтернативный, вынужденный, ориентируясь

при этом на представление об объективности социокультурной среды, в которую погружен индивид.

С постулатом объективности и системности боролись сторонники **микросоциологического подхода**, обращаясь к сообществу как к живой, изменчивой системе со своими нормами, установками, ценностями, которые в процессе длительного взаимодействия с индивидом формируют социальную идентичность и чувство самоотождествления с группой. Несмотря на то что некоторые сторонники данного подхода, например Ирвинг Гофман [Гофман, 2000, с. 21–25], ориентировались также на концептуальный аппарат, используемый приверженцами макросоциологического подхода, говоря, что идентичность индивида — это набор «масок» и социальных ролей, можно заметить значительное различие подходов в том, что сам индивид в рассматриваемой парадигме не находится в рамках объективной действительности и постоянно достраивает свою идентичность в процессе взаимодействия, социальных интеракций, принятия или непринятия норм и т.д.

Важным в рамках микросоциологического подхода представляется рассмотрение социального конструкционизма — парадигмы, которая позволяет не только раскрыть сущность социальной идентичности в современных условиях, но также рассмотреть контекст, в который изучаемый концепт погружен. Основные теории социального конструкционизма — Питер Людвиг Бергер и Томас Лукман [Berger, Luckmann, 1966]. «Социальное конструирование реальности» является релевантным для рассмотрения идентичности по ряду причин. Прежде всего, данный подход позволяет рассматривать социально воспроизводимые феномены не в застывшем состоянии, а в динамике, постоянном развитии, изменении, преобразовании, в том числе с точки зрения смысловой нагрузки, которая вкладывается в этот социальный феномен участниками его конструирования — людьми. Важно понимать, что идентичность в социальных науках является гибким феноменом, который позволяет людям достаточно эффективно адаптироваться к изменяющимся контекстуальным условиям, избегая ситуаций

внутреннего (в том числе психологического) дискомфорта. Эту же черту коллективной идентичности замечает Стюарт Холл [Холл, 2010], обозначая ее термином «динамичность».

Конструкционизм применим для анализа социальной идентичности еще и потому, что смещает акцент внимания на интеракции и, следовательно, позволяет проследить эволюцию интересующего нас явления. Таким образом, можно говорить о том, каким изменениям была подвергнута идентичность и по каким причинам это происходило, и о том, как подобных изменений можно было бы избежать в будущем, поскольку индивид является достаточно избирательным по отношению к тем нормам и ценностям, которые он интернализует. Так, мы всегда можем говорить о наличии определенного общественного консенсуса относительно закрепившихся социальных феноменов. В привязке к идентичности это означает прежде всего, что она является не чем-то априорно существующим, но всегда приобретенным. В таком случае процесс формирования идентичности становится самоценным.

Иным важным допущением социального конструкционизма является предположение о том, что люди сами выступают как конструкторы окружающей их социальной действительности, а также создатели смыслов, которыми в дальнейшем наделяются феномены. Следовательно, любой ценностный/культурный кризис, осязаемый на уровне группы, так или иначе приводит к дестабилизации оснований, на которых строится коллективная идентичность, при этом изменяя социальную реальность, переосмысляя, переформулируя ее. Именно поэтому рассмотрение коллективной идентичности в моменты социальной турбулентности оказывается особенно актуальным и показательным.

Таким образом, ориентирование на микросоциологический подход к рассмотрению коллективной идентичности представляется нам в рамках данной работы более уместным, так как он позволяет работать в том числе и на индивидуальном уровне, на частных примерах, рассматривая общие тенденции и сам процесс формирования идентичности группы.

Идентичность в политологии

«Идентичность» как термин и концепт для изучения занимает особое место в академической политологической дискуссии с середины XX века — периода бихевиоральной и лингвистической революций. Смена акцента анализа с политических институтов на поведение связанных с ними акторов потребовала от исследователей обратить внимание как на индивидуальные предпочтения и ценности, так и на механизмы, связанные с коллективными образами. Идеи, разработанные на пересечении лингвистики, когнитивистики и социологии, проблематизировали необходимость изучения концепта идентичности и в области политической науки.

Политика идентичности (*identity politics*) как предметная область политологии получила широкое распространение в 1980-е годы [Мчедлова, Казаринова, 2020]. Тем не менее даже современное состояние предмета не позволяет предложить конвенциональное определение идентичности: по мнению О.Ю. Малиновой, это связано с высокой интенсивностью изменения окружающего мира, в результате чего «понятия перетекают из быстро меняющегося политического дискурса в теоретический и обратно, не успевая обрести устоявшийся смысл» [Малинова, 2005, с. 9].

Вместе с тем эволюция границ «идентичности» предлагает важный взгляд на особенности текущего понимания этого термина. Первые попытки провести концептуализацию предпринимают С. Холл и его коллеги в работе «Культурная идентичность и диаспора» [Hall, Du Gay, 1996], где на основании анализа африканских диаспор предлагают рассматривать феномен на двух уровнях: как «коллективное Я», которое разделяется обществом с общей историей и родословной; второе определение затрагивает результат взаимодействия подобного «коллективного Я» с окружающей средой, то есть фиксируется на его изменении, существовании в контексте.

В современной дискуссии компромиссное определение было предложено И.С. Семененко, обозначившей политическую идентичность как «комплекс идейно-политических ориентаций и предпочтений, которыми субъекты политического процесса наделяют

себя и друг друга в процессе коммуникации, который предполагает отождествление носителя политической идентичности с тем или иным политическим сообществом» [Семенов, 2012, с. 71]. При этом важным в определении становится механизм формирования подобных ориентаций.

Отношение к идентичности как к совокупности ценностей легло в основу «цивилизационной» теории в сфере международных отношений: например, Сэмюэл Филлипс Хантингтон [Хантингтон, 2003] в работе «Столкновение цивилизаций и переустройство мирового порядка» в качестве теоретического допущения обозначил ценностные группы как детерминанты для сотрудничества и конфликтов между странами. В современной политической науке ценности, составляющие в совокупности культурную идентичность, лежат в основе исследования World Values Survey под началом Рональда Инглхарта и Кристиана Вельцеля [Инглхарт, Вельцель, 2011]. Исследователи показали важную связь между ценностной системой общества и особенностями работы политической системы в нем.

Подобное отношение предопределило попытки ученых объяснить природу и сущность формирования политических институтов. Чарльз Тилли [Тилли, 2009; 2019] стремится обозначить понимание коллективного насилия в контексте европейской идентичности в ретроспективе, Альберто Мелуччи [Кирсанова, 2020] обращает внимание на формирование идентичности в условиях новых социальных движений (*new social movements*). Идентичность изучается в тесной связи с функционированием государства: примечательны исследования Ч. Тилли о роли идентичности в формировании национального государства; Питера Хэма [Ham, 2001, p. 2–6] о формировании идентичности как международного бренда государства. На перипетии проблемных вопросов возникает спор об основаниях принадлежности к государственной нации [Перегудов, 2011]. В этой дискуссии получает развитие концепт «гражданской идентичности» Дэниэла Харта, Кэмерона Ричардсона и Бритта Вилкенфельда как основание независимого от государства гражданского общества [Hart, Richardson, Wilkenfeld, 2011].

Политическим институтом с высокой значимостью идентичности выступают политические партии: анализу подвергались соотношение идеологии с пониманием идентичности [Richardson, Wodak, 2009], стратегии конструирования идентичности [Алексеев, Фомин, 2020], их воздействие на электоральное поведение [Campbell et al., 1960]. Отдельную академическую традицию получило рассмотрение «национальной идентичности» с конструктивистским уклоном, то есть понимания нации как «дискурсивной формации», которую объединяет особый взгляд на мир [Малинова, 2008]. Среди исследований национальной идентичности отдельно стоит отметить анализ «воображаемых сообществ» Бенедикта Андерсона [Anderson, 2010], конструктивистские истоки нации Эрнеста Геллнера [Gellner, 1983], классификацию идентичностей Лии Гринфельд [Greenfeld, 1992], историческую роль идентичностей в XIX–XX веках Эрика Хобсбаума [Hobsbawm, 1995].

В подобной дискуссии важную роль играет механизм формирования и изменения «идентичности» в политической сфере. Текучесть и границы феномена исследовались Зигмунтом Бауманом и Энтони Гидденсом [Гидденс, 2010; Бауман, 2019] в отношении к современности; Эрнесто Лакло и Шанталь Муфф [Laclau, Mouffe, 2014] — в контексте процесса установления гегемонистского дискурса.

Современные исследования идентичности во многом определяются тенденциями и общественными трансформациями. Мануэль Кастельс [Castells, 2006] провел анализ изменения идентичностей в зависимости от цифровой трансформации, Джордж Лакофф [Lakoff, 2014] делает акцент на отношении индивида к ценностям общества.

Отдельно исследователями предпринимаются попытки дать общую характеристику новых тенденций: предлагаются концепции «эры популизма» [Katz, Nowak, 2017], «политики страха» [Дуткевич, 2020], «политики блефа» [Капустин, 2020]. Подобные проблемные наблюдения порождают важные исследования, нацеленные на анализ практической плоскости: например, Сэмюэл Филипс Хантингтон обращается к изучению американской самоидентификации, которое Фрэнсис Фукуяма [Фукуяма, 2019] завер-

шает диагнозом «инструментализации» и «политизации» идентичности, а Зигмунт Бауман [Бауман, 2019] анализирует кризис «гражданской идентичности» и рост индивидуализированности.

В результате идентичность в политологии рассматривается в довольно разных контекстах, зачастую связывается с национальными государствами, электоральным процессом, международными отношениями. Также можно отметить превалирование институционального подхода в изучении идентичности, что не позволяет в полной мере охарактеризовать всю возможную палитру ее проявления на пространственном уровне.

Территориальная идентичность

Территориальная идентичность — важный аспект коллективной идентичности, являющийся прежде всего результатом осознания индивидом себя принадлежащим к какой-либо территории или членом того или иного территориального сообщества. Свое начало территориальная типологизация социальной идентичности берет также из труда П.Л. Бергера и Т. Лукмана «Социальное конструирование реальности» [Berger, Luckmann, 1966], в котором авторы постулируют наличие пространственной и временной структур повседневной жизни. Однако в самостоятельном рассмотрении концепт территориальной идентичности является достаточно молодым для социальных наук. В современной академической мысли территориальная идентичность часто разделяется на следующие уровни [Shao, Lange, Thwaites, 2017, p. 28]: *национальная идентичность* — самый высокий и обширный уровень, наибольшим образом завязанный на символической составляющей и при этом включающий в себя остальные уровни; *региональная идентичность*, ориентирующаяся в большей степени на формальные рамки, в том числе на институциональную систему; *локальная идентичность*, по поводу которой нет консенсуса ни в западной, ни в отечественной науке. Если на Западе выделяют городскую идентичность как отдельный уровень территориальной идентичности, оттесняя локальную идентичность на уровень районных и других общностей, то в российской науке принято совмещать два данных уровня под общим термином «локальная идентичность».

*Уровни территориальной идентичности:
национальная идентичность*

Понятия «нация» и «государство» тесно взаимосвязаны. Нация выступает как историческая общность людей, складывающаяся в процессе формирования общности их территории, экономических связей, языка, особенностей культуры, нравов, которые составляют ее признаки, то есть в процессе формирования государства. Нация необязательно моноэтнична, и это не является препятствием для формирования единого для нее национального государства. В этом процессе важнейшую роль играют осознание гражданами своей причастности к этому государству и идентификация ими других членов общества как «своих», то есть их национальная идентичность.

Такая парадигма в области исследования идентичности называется примордиалистской и рассматривает нацию как изначальную социобиологическую характеристику общества. Одним из теоретиков примордиализма является Энтони Смит, для которого нация есть «группа людей, разделяющая историческую территорию, общие мифы и воспоминания, массовую, публичную культуру, общую экономику и общие права и обязанности для всех членов, определяемые законом в рамках государства» [Smith, 1999, p. 35]. Нация при таком рассмотрении всегда обладает определенными характеристиками: самоназванием, мифом об общем происхождении, сформированными историческими воспоминаниями и традициями, общей культурой, исторической территорией, средствами групповой солидарности.

Однако не всегда можно утверждать, что осознание национальной идентичности является таким естественным процессом. Существуют и другие концепции идентичности, которые предполагают, что идентичность может быть искусственной и, скорее, навязываемой государством. Так, противоположным примордиализму считается конструктивистский подход к изучению природы идентичности.

В политической науке во второй половине XX века исследователи проблем этничности предложили новую, отличную от примор-

диалистской, концепцию, названную конструктивизмом. В основе этой концепции лежали взгляды западных ученых Эрнеста Геллнера, Бенедикта Андерсона и Эрика Хобсбаума на природу идентичности. Согласно их позиции, конструктивизм предполагает непосредственное «конструирование» государством идентичности у членов общества. Кроме того, получила распространение идея инструменталистской парадигмы, где нация играет роль социального инструмента, используемого для достижения тех или иных целей.

Тем не менее сама идея конструирования идентичности была описана еще Жан-Жаком Руссо в трактате «Об общественном договоре, или Принципы политического права»: «Тот, кто берет на себя смелость дать установления какому-либо народу, должен чувствовать себя способным изменить, так сказать, человеческую природу, превратить каждого индивидуума, который сам по себе есть некое замкнутое и изолированное целое, в часть более крупного целого, от которого этот индивидуум в известном смысле получает свою жизнь и свое бытие; переиначить организм человека, дабы его укрепить; должен поставить на место физического и самостоятельного существования, которое нам всем дано природой, существование частичное и моральное. Одним словом, нужно, чтобы он отнял у человека его собственные силы и дал ему взамен другие, которые были бы для него чужими и которыми он не мог бы пользоваться без содействия других» [Руссо, 1998, с. 230]. Именно этими принципами руководствовались, например, французские короли, которые и начали конструирование идентичности в тесной привязке к концепту нации, объединяющей в себе множество населявших государство этнических групп.

Наиболее полно идеи конструктивизма изложены в книгах «Нации и национализм» Э. Геллнера и «Воображаемые сообщества» Б. Андерсона, а также в сборнике статей под редакцией Э. Хобсбаума и Т. Рэйнджера «Изобретение традиции» и книге Э. Хобсбаума «Нации и национализм после 1780 года».

Эрнест Геллнер [Gellner, 1983] рассматривал нацию как продукт индустриальной культуры, идеологический продукт, создаваемый властными, экономическими и интеллектуальными элита-

ми, а выделение стран по национальному признаку в мире считал порождением перехода от «низкой» культуры аграрного общества к «высокой» культуре общества индустриального, характеризующегося всеобщим образованием, высоким уровнем грамотности и гражданского самосознания подавляющего большинства его представителей.

Бенедикт Андерсон [Anderson, 1983], обращаясь к понятию «воображаемые сообщества» в одноименной книге, рассматривал нацию не как объединенную общность людей в силу объективных причин (таких, как семья или община), а, скорее, как объединенную своим «воображением», то есть своими представлениями о принадлежности к единой нации, своей самоидентификацией. Однако эти представления у членов общества возникли неслучайно: их появление было ускорено деятельностью государства по унификации школьного образования и переводу его на единый язык, а также выпуском общенациональных газет и другой печатной продукции, которые задали языковую норму для всех граждан государства. Таким образом, согласно Андерсону, самоидентификация индивидов как членов общности, названной нацией, происходит под влиянием государства.

Эрик Хобсбаум отказывается от идеи исторической преемственности процесса формирования и развития нации: «Традиция — это парик, мантия и другие внешние атрибуты и ритуализованные практики, окружающие основную деятельность обычаев» [Hobsbawm, 1983, p. 3]. Для него нация — это продукт изобретения, а не естественного развития.

Обобщенный подход конструктивистов к вопросу природы идентичности можно сформулировать так: идентичность выступает в качестве интеллектуального конструкта элиты, транслируемого на потенциальных представителей нации при помощи различных средств массовой информации, системы образования, политической риторики и т.д.

Конфликт в академической литературе между двумя обозначенными подходами до сих пор существует и не был до конца преодолен, так как использование эмпирических доказательств

и реальных кейсов позволяет частично поддержать каждый из этих подходов. Консенсусным является тезис о том, что людей в группе должно связывать что-то ценное для них [Lenard, Miller, 2018, p. 23], следовательно, на национальном уровне мы говорим преимущественно про расу, национальность, язык, кровные узы, религию и т.д.

В целом, если рассматривать национальную идентичность в качестве системы, можно выделить четыре конституирующих ее компонента [Rollero, Piccoli, 2010]: оценочный, когнитивный, эмоциональный и деятельностно-поведенческий. Все названные аспекты национальной идентичности находятся в тесном и постоянном взаимодействии и, как следствие, не являются константами, несмотря на то, что в любом случае присутствуют в схеме осознания индивида в качестве члена территориального сообщества.

Оценочный компонент идентичности связан в первую очередь с восприятием человеком территориальной общности, к которой он чувствует свою принадлежность, с пониманием и оценкой контекстуальных особенностей и социокультурной среды. Оценочный аспект — способность индивида прямым образом дать ответ на вопрос «кто ты?», который обычно используется для выявления коллективной идентичности, или «откуда ты?», более подходящий для идентичности территориальной [Valera, Guàrdia, 2002]. Во многом, говоря про оценочный компонент идентичности, мы рассуждаем об *образе* той общности, принадлежность к которой мы изучаем [Rollero, Piccoli, 2010].

Когнитивный аспект национальной идентичности предполагает осознание индивидом специфики группы, к которой он чувствует свою принадлежность (это ощущение как собственной самости, особенности, так и характерных отличий референтной группы), а также построение внешних границ, определяющих, где заканчивается общность его принадлежности и начинается другая, чужая по определению [Ibid.].

Эмоциональный аспект территориальной идентичности — наиболее выраженное проявление национальной идентичности, так как восприятие индивидом собственной принадлежности к стране

зачастую носит нерелефлексивный характер, подкрепляясь в большей степени эмоциональными откликами [Winkler, 2020]. Эмоциональный аспект в наиболее наглядном виде позволяет говорить о значимости референтной группы для индивида, а также о приемлемости и важности идентификации с данной общностью.

Важно заметить, что *деятельностно-поведенческий аспект* идентичности прямым образом указывает на наличие определенной взаимосвязи между чувством принадлежности и повседневными практиками индивида, что в очередной раз демонстрирует релевантность микросоциологического подхода к рассмотрению идентичности.

Таким образом, все указанные компоненты так или иначе присутствуют в структуре территориальной идентичности, однако для разных ее уровней они могут складываться в различные комбинации, а также наделяться различающейся смысловой нагрузкой.

Уровни территориальной идентичности: региональная идентичность

Национальная идентичность способна консолидировать население вокруг какой-либо государственной идеи или программы. При этом в ситуации внутривластной или внешнеполитической дестабилизации граждане регионов могут оказаться оторванными от конвенциональных ценностей, и в итоге региональная идентичность может войти в противоречие с национальной. Более того, регионы по причинам разного статуса, этнического и конфессионального состава, социально-экономических характеристик могут обладать разными идентичностями как позитивного, так и негативного характера. Следовательно, изучение региональной идентичности представляется не только интересным в исследовательском плане, но и необходимым шагом в понимании формирования локальной идентичности.

По причине множественных проявлений в различных территориальных единицах и государствах региональная идентичность имеет большое число трактовок и определений. В качестве наи-

более конвенционального в зарубежных источниках используется понимание региональной идентичности как интерпретации процесса институционализации региона, который, в свою очередь, состоит из определения территориальных границ субъекта, сопутствующего символизма и развития местных политических и социологических институтов [Paasi, 2003]. В этом контексте региональная идентичность зачастую воспринимается как уровень территориальной идентичности, высшим звеном которой является национальная идентичность.

Региональная идентичность может использоваться в качестве повода для проведения эффективной политической мобилизации оппозиционно настроенных граждан или исключаящей политики со стороны государства по отношению к тем или иным этничностям. При этом в случае гармонизации проводимых национальной и региональной политик число этнических и религиозных конфликтов может снизиться [Pratt, 1999; Mackenzie, 2002; Harnier, 2001; Graham, Shirlow, 2002]. Также некоторые исследователи сходятся во мнении, что для выявления региональной идентичности необходимо концентрироваться на системном рассмотрении экономических коннотаций, культурных особенностей, а также способах распределения политической власти в территориальных единицах посредством изучения сформированных дискурсов и нарративов [Giordano, 2000; Keating, 2001; Tomaney, Ward, 2017].

Региональная идентичность рассматривается учеными при проведении исследований, нацеленных на выявление путей формирования фольклорных практик [Allen, Schlereth, 1992; Wrobel, Steiner, 1997], изучение политики памяти и влияния исторических мест на эффективность ее реализации [Crang, 1999; Bialasiewicz, 2002], использование региональной риторики в нарративах политиков и политических партий [Gren, 2002; Painter, 2002]. Помимо этого, в некоторых исследованиях региональная идентичность определяется как альтернатива глобализации в экономическом, культурном, языковом контекстах [Nijman, 1999; Sletto, 2002; Schumann, Fowler, 2002].

Иным важным сюжетом является ее сравнение с другими типами идентичности, выявление степени их противоречивости и связности. Так, Анна Бригевич [Brigevich, 2016] на примере Франции заключает, что граждане с высоким уровнем региональной идентичности в меньшей мере будут поддерживать общеевропейские ценности и членство государства в Европейском союзе; при этом региональный эффект зависит от типа идентичности: культурная региональная идентичность снижает поддержку европейских институтов, политическая региональная идентичность, напротив, способствует росту общеевропейских настроений. В свою очередь, Сара Рэдклифф и Салли Вествуд [Radcliffe, Westwood, 2005], изучив специфику Эквадора, утверждают, что сильная региональная идентичность снижает возможности для общенационального единения. Более того, авторы подчеркивают конфликтную природу взаимоотношений между этими типами идентичности. Некоторые исследователи указывают на нелинейность взаимоотношений между региональной и национальной идентичностями по причине различий в региональном строительстве, культурных особенностях, разного понимания целей государственной политики в территориальных единицах [Johnson, Coleman, 2012].

Отечественное научное поле также широко представлено исследованиями, направленными на изучение региональной идентичности, по нескольким причинам: 1) широкое этническое разнообразие; 2) различный административно-территориальный характер субъектов Российской Федерации; 3) разные социальные, экономические, политические характеристики регионов; 4) большое число регионов, граничащих с другими государствами.

Российский политолог и регионалист Р.Ф. Туровский [Туровский, 2003], рассматривая «самость» субъектов Российской Федерации, при проведении анализа региональной идентичности определяет три ключевых измерения: региональная символика, региональная самоидентификация, региональные политические движения. Автор приходит к выводу, что символы регионов России не всегда подчеркивают уникальность их культуры, не отра-

жают индивидуальность территориальных образований. Региональная самоидентификация зачастую проявляется в спорах с «соседями», посредством которых регионы извлекают свои исконные формы идентичности. При этом фиксируется тенденция объединения региональных ценностей с общероссийским сознанием.

В вопросе приграничных территорий исследователи прежде всего уделяют внимание изучению специфики идентичности регионов, находящихся в непосредственной близости к странам постсоветского пространства, в частности на границах с Украиной и Беларусью [Крылов, Гриценко, 2012; Колосов, Вендина, 2011], странами Балтии [Кувенева, Манаков, 2003; Манаков, 2003]. Результаты таких исследований показывают, что региональная идентичность в приграничных районах тесно связана с локальной идентичностью, граждане зачастую не разграничивают сопричастности разного уровня, при этом ощущают более выраженную принадлежность к конкретному месту (городу, селу, деревне) и региону, чем к общероссийскому контексту.

Также для российских исследований свойственно рассмотрение характерных черт региональной идентичности на уровне национальных республик. В частности, М.В. Назукина [Назукина, 2018] приходит к выводу, что фактор этничности может рассматриваться в качестве ресурса развития территории в виде уникального регионального сообщества, благодаря культивированию идей многосоставности и мира достигается внутривнутриполитическая стабильность в национальных республиках. О.В. Цветкова [Цветкова, 2017] подчеркивает, что для полного понимания региональной идентичности крайне важно акцентировать внимание на этническом компоненте, особенно в контексте национальных республик, а Л.М. Дробижева [Дробижева, 2008] приходит к выводу, что национально-гражданская и этническая (в том числе региональная) идентичности зачастую могут конкурировать друг с другом, приводить к формированию образа врага и враждебности.

Деление общества на «своих» и «чужих» характерно и для других регионов Российской Федерации. Многолетнее исследо-

вание А.А. Анисимовой и О.Г. Ечевской [Анисимова, Ечевская, 2012], проведенное в трех городах Сибири (Иркутск, Новосибирск, Омск), показывает, что региональная идентичность сибиряка («сибирскость»), как правило, актуализируется в ситуациях взаимодействия с «чужими», с представителями других регионов. При этом такое позиционирование имеет и политическую подоплеку: устойчивое выражение «Я — сибиряк» является обращением к федеральному центру, которое несет в себе содержательные сообщения о запросах и проблемах граждан, проживающих в сибирских регионах. На формирование региональной идентичности, по мнению авторов, оказывает влияние целая совокупность факторов макроуровня: природа, климат, удаленность от центра России, экономическое положение, инфраструктура. Микроуровень представлен историей семьи, этническим происхождением, личной мобильностью индивида. В итоге общая структура сибирской региональной идентичности представляет собой комбинацию территориальных, климатических, исторических и деятельностных компонентов.

Г.С. Корепанов на основе анализа «периферийных» областей Российской Федерации (Тюменская область, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа) обозначает отстраненность от столицы и государства как важный фактор формирования региональной идентичности [Корепанов, 2009]. На степень выраженности такого фактора прежде всего влияет уровень социально-экономического самочувствия населения (грубо говоря, чем хуже живут граждане, тем больше они чувствуют свою отстраненность). Данный вывод показывает, что на региональную идентичность помимо географической отдаленности также могут распространяться экономические факторы, которые формируют определенную сопричастность населения к региональному контексту. О негативном характере региональной идентичности в вопросе взаимосвязи с общегосударственным уровнем писала и Е.С. Крестинина [Крестинина, 2008]. Результаты изучения репрезентации образа жителей Москвы в региональных СМИ показали, что в подавляющем большинстве регионов москвичи выступают объектом противопо-

ставления, довольно часто характеризуются в негативном ключе. В итоге формируется социальная дистанция, которая разграничивает жителей столичного региона и граждан, проживающих во всех других субъектах Российской Федерации.

Таким образом, региональная идентичность зависит от целой совокупности факторов, состоит из большого числа признаков и критериев, что делает данный феномен довольно размытым в терминологическом плане. Крайне часто региональная идентичность входит в сущностное противоречие с национальной идентичностью, что может приводить к ситуации внутривластной дестабилизации. В то же время региональная идентичность имеет ряд позитивных черт: она способна улучшить моральное самочувствие граждан, упрощает реализацию региональных программ, позволяет снизить отток населения в другие регионы. Однако, как демонстрируют исследования, граждане гораздо чаще определяют себя в качестве жителей конкретных городов, сел, деревень, что позволяет характеризовать локальную идентичность как более оправданный концепт для понимания специфики идентичности в современной России.

Локальная идентичность: характерные особенности концепта

В иерархии территориальной идентичности локальный уровень располагается на нижней ступени, что, однако, не умаляет его значимости для структуры коллективной идентичности. Наоборот, в западной парадигме локальный уровень идентичности считается основополагающим, базовым, значимым для дальнейшего формирования структуры и ее понимания в целом [Zube, 1991]. Локальная идентичность задает базовые характеристики для остальных уровней идентичности [Shao, Lange, Thwaites, 2017, p. 27], за счет чего ее изучение становится даже более значимым, чем исследование регионального или национального уровней идентичности.

Основной особенностью локальной идентичности является важность для внутреннего устройства концепта «чувство места»

[Shao, Lange, Thwaites, 2017, p. 31] — междисциплинарного концепта, который является проводником между репрезентацией верований, эмоций, поведенческого компонента и географическими обстоятельствами, в которые все эти компоненты погружены [Jorgensen, Stedman, 2006]. Таким образом, значимыми становятся физические и географические особенности места, которое вызывает чувство привязанности, а не только сообщество, так или иначе закрепленное на заданной территории. Чувство места является также ответственным за практики, так как именно этот аспект определяет характер и интенсивность взаимодействия индивида со средой [Kaltenborn, Bjerke, 2002].

Другой важной чертой локальной идентичности является значимость культуры как некоторого коллективного сокровища, которым в равной степени обладают все члены локального сообщества [Conway, 1997], а также история, которая отвечает за наделение локального сообщества характерными отличительными чертами, собственной самостью, общим и разделяемым всеми его членами прошлым.

Наконец, важен аспект сообщества (community identity) [Obst, White, 2005]. Он не является исключительным именно для локальной идентичности и характерен в целом для коллективных идентичностей, однако в случае локального уровня территориальной идентичности данный аспект обретает вид коммуникатора между индивидом, включенным в социальную группу, и пространством, на котором данное сообщество развивается и для которого территория становится некоторым символически значимым объектом.

Таким образом, множество аспектов локальной идентичности, а также вариативность выделения различных аспектов, конституирующих соответствующий уровень, приводят к неопределенности концепта и незавершенности процесса его формирования. Особенно остро данный вопрос стоит в российской научной традиции, поскольку там смешиваются понятия городской и локальной идентичностей, совмещаются их характеристики, что не позволяет однозначно очертить концептуальное поле вокруг локальной идентичности.

Локальная идентичность: проблема концептуализации в российских академических исследованиях

У исследований локальной идентичности в силу их молодости, а также из-за специфических характеристик предмета исследования есть ряд ограничений. Прежде всего, нужно понимать, что концепт локальной идентичности раскрывает сразу три фокуса исследования: личность — общество — культуру, расширяет рамки рассмотрения интересующих ученых феноменов. Иными словами, для полного раскрытия явлений и процессов, связанных с идентичностью, необходимо рассматривать сразу три предметные сферы. На локальном уровне это оказывается достаточно проблематичным, в том числе из-за отсутствия в академической среде консенсуса по поводу определения локальности как таковой и, следовательно, отсутствия общей схемы исследований локалитетов, благодаря которым можно было бы сопоставлять различные кейсы для выявления общих закономерностей и накопления теоретической базы.

Кроме того, в российской академической среде нет четкого разделения на городскую и локальную идентичности, что приводит к ситуации, в которой либо эти два понятия сливаются в одно, либо рассматриваются отдельные черты одной или другой идентичности [Евстифеев, 2017]. Очевидно, что категория городов является внутренне негомогенной, и если города федерального значения, региональные столицы могут показывать различные результаты внутри самого изучаемого города, то чем меньше исследуемая территориальная общность, тем более близкими и консолидированными оказываются взгляды внутри нее. Иными словами, сами предметы исследования в различных случаях оказываются неравнозначными и, следовательно, подход к их рассмотрению должен варьироваться, что приводит к несопоставимости получаемых результатов.

Наконец, в современном мире необходимо противопоставлять глобальные и локальные процессы, чтобы иметь возможность различать культурные, исторические коды, вшитые в систему обеих

идентичностей. Учитывая поглощающий характер глобализации, ее большое влияние на формирование российской идентичности после распада Советского Союза [Рубцов, 2009, с. 25–26], а также современное состояние общества и новый социально-политический контекст, нужно искусственно разделять характеры появления и становления идентичности на локальном уровне.

В целом локальная идентичность имеет дело с менее абстрактными понятиями, нежели уровни территориальной идентичности, оказывающиеся выше в иерархии. Таким образом, мы можем говорить, что во всех отдельных случаях мы работаем с разными концептуальными аппаратами, что также накладывает определенное ограничение на общее положение локальной идентичности в академической мысли и на ее концептуальные рамки. При этом, предметно рассматривая аспекты, релевантные именно для локальной идентичности, можно предпринять попытку авторской концептуализации понятия и возведения ее теоретических границ.

Среди аспектов локальной идентичности — они пересекаются с аспектами территориальной идентичности в целом — выделяют четыре основных: физический, социальный, когнитивный (то есть аспект восприятия) и память.

Физический аспект — основополагающий компонент локальной идентичности [Shao, Lange, Thwaites, 2017, p. 35], основанный не только на том, как индивид наблюдает окружающие его территориальные условия, но и на некотором духовном чувстве, которое человек к этому месту испытывает. Физический аспект часто бывает связан с принадлежностью к природным условиям, определенному ландшафту, причем чем сильнее специфика, тем очевиднее становится привязанность.

Социальный аспект локальной идентичности отвечает прежде всего за поддержание уникальности локалитета [Lynch, 1981], к которому индивид чувствует причастность. Социальный аспект актуализировался, когда города начали терять свою внешнюю самость, оказались типизированы [Shao, Lange, Thwaites, 2017, p. 35].

Аспект восприятия заключается в личной истории индивида, связанной с местом. Это всегда субъективное восприятие изучаемой территории и сообщества, принадлежащего к ней, наделение ее своим, субъективным смыслом [Pretty, Chipuer, Bramston, 2003]. Так, данный компонент локальной идентичности практически не поддается агрегированному изучению не на индивидуальном уровне и, как следствие, всегда достаточно фрагментирован.

Память — значимый коллективный феномен, с точки зрения локальной идентичности заключающий в себе культурный и исторический элементы осмысления конкретной территории. В данном случае речь идет уже не об индивидуальных оценках и личном восприятии, а о коллективном консенсусе относительно общего прошлого на зафиксированной территории [Liu et al., 2009].

Все компоненты локальной идентичности существуют в постоянном взаимодействии. Физический аспект, включающий в себя взаимодействие человека с окружающей его средой, находится в наиболее плотном контакте с социальным аспектом — деятельностью человека в рамках территории и по преобразованию этой среды для обретения наиболее благоприятного для себя окружения. Так, природные особенности среды и действия человека применительно к ним находятся в постоянной связи и формируют привязанность, в том числе привычку [Lynch, 1960, p. 103], порождая сенсорный или когнитивный аспект. Восприятие в данном случае является достаточно гибким компонентом, так как на его формирование будет влиять большее число факторов, чем на относительно постоянный физический аспект или же на историю, которая также оказывается стабильной и воспроизводимой.

Важным для общей концептуальной рамки представляется аспект памяти, так как здесь в первую очередь мы вновь работаем с социальными феноменами, которые поддерживаются и воспроизводятся индивидами. Следовательно, эти явления становятся конвенциональными и символически значимыми, а локальная идентичность оказывается продуктом самовоспроизводства местного сообщества.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев А.В., Фомин И.В.* «Мы, защитники наций и свобод». Как европейские правые популисты конструируют идентичности (случай «Национального объединения») // Политическая наука. 2020. № 4. С. 128–156.
- Анисимова А.А., Ечевская О.Г.* Сибирская идентичность: предпосылки формирования, контексты актуализации: монография. Новосибирск: НГУ, 2012.
- Бауман З.* Ретротопия / пер. с англ. В.Л. Силаевой; под науч. ред. О.А. Оберемко. М.: ВЦИОМ, 2019.
- Гегель Г.* Феноменология духа / пер. с нем. Г.Г. Шпета. СПб.: Наука, 1992.
- Гельман В.Я.* Стратегии региональной идентичности и роль политических элит (на примере Новгородской области) // Региональные процессы в современной России: экономика, политика, власть. М.: ИНИОН РАН, 2002. С. 30–50.
- Гидденс Э.* Последствия современности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2010. № 6. С. 169–181.
- Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни / пер. с англ. А.Д. Ковалева. М.: Канон-пресс-Ц: Кучково поле, 2000.
- Дробизжева Л.М.* Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости // Россия реформирующаяся. 2008. № 7. С. 214–228.
- Дуткевич П.* Сила гегемона: роль дискурса // Вестник РУДН. Сер.: Политология. 2020. Т. 22. № 2. С. 167–178.
- Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда / пер. с фр. А.Б. Гофмана; примеч. В.В. Сапова. М.: Канон, 1996.
- Евстифеев Р.В.* Локальная идентичность и построение эффективного взаимодействия местных сообществ и органов власти в российских городах // Теории и проблемы политических исследований. 2017. Т. 6. № 6А. С. 16–27.
- Инглхарт Р., Вельцель К.* Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития / пер. с англ. М. Коробочкина. М.: Новое издательство, 2011.
- Капустин Б.Г.* Цивилизация блефа // Россия в глобальной политике. 2020. № 3. С. 82–85.

- Курсанова Т.В.* Понятие коллективной идентичности по Альберто Мелуччи // Livrezon, 2020 [Электронный ресурс]. <https://livrezon.com/publication/ponyatie-kollektivnoi-identichnosti-po-alberto-meluchchi?ysclid=m7kobgavv3416798518> (дата обращения: 15.01.2023).
- Колосов В.А., Вендина О.И. (отв. ред.)* Российско-украинское пограничье. Двадцать лет разделенного единства. М.: Новый хронограф, 2011.
- Корепанов Г.С.* Региональная идентичность: социокультурный и социальноэкономический подходы // Известия Уральского гос. ун-та. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2009. № 3. С. 276–284.
- Крестинина Е.С.* Москвич как «внутренний другой»: репрезентация образов Москвы и москвичей в СМИ других регионов РФ // Дневник Алтайской школы политических исследований. 2008. № 24. С. 35–38.
- Крылов М.П., Гриценко А.А.* Региональная и этнокультурная идентичность в российско-украинском и российско-белорусском порубежье: историческая память и культурные трансформации // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2012. № 2. С. 28–42.
- Кувенева Т.Н., Манаков А.Г.* Формирование пространственных идентичностей в порубежном регионе // Социологические исследования. 2003. № 7. С. 77–89.
- Локк Дж.* Опыт о человеческом разумении / пер. с англ. А.Н. Савина. СПб.: Азбука-Аттикус, 2022. (Азбука-классика. Non-Fiction).
- Малинова О.Ю.* Исследование политики и дискурс об идентичности // Политическая наука. 2005. № 3. С. 8–20.
- Малинова О.Ю., Калхун К.* Нации имеют значение. Культура, история и космополитическая мечта // Политическая наука. 2008. № 1. С. 195–206.
- Манаков А.Г.* Культурные границы и идентичность (на примере северо-запада Европейской России) // Идентичность и география в постсоветском пространстве. Сб. науч. ст. / под ред. М. Бассина, К.Э. Аксенова. СПб.: Геликон Плюс, 2003. С. 114–136.
- Мчедлова М.М., Казаринова Д.Б.* Политика идентичности: конкуренция новых теоретических смыслов и политических стратегий // Политическая наука. 2020. № 4. С. 13–35.

Д.С. Чебанова, М.А. Еременко, Д.А. Сорокин

- Назукина М.В.* Маркеры этничности в региональной идентичности республик России // Регионология. 2018. № 4. С. 698–717.
- Парсонс Т.* Система современных обществ / пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева. М.: Аспект-Пресс, 1998.
- Перегудов С.П.* Национально-государственная идентичность и проблемы консолидации российского государства // Полис. Политические исследования. 2011. № 3. С. 141–163.
- Рубцов А.В.* Российская идентичность и вызов модернизации. М.: Экон-Информ, 2009.
- Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре. Трактаты: пер. с фр. М.: Канон-пресс-Ц; Кучково поле, 1998.
- Семененко И.С.* Политическая идентичность // Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. Т. 1: Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. С. 71–76.
- Тилли Ч.* От мобилизации к революции / пер. с англ. Д. Карасева; под науч. ред. С. Моисеева. М.: Изд. дом ВШЭ, 2019.
- Тилли Ч.* Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг. / пер. с англ. Т.Б. Менской. М.: Территория будущего, 2009.
- Туровский Р.Ф.* Соотношение культурных ландшафтов и региональной идентичности в современной России // Идентичность и география в современной России. СПб., 2003. С. 4–36.
- Фукуяма Ф.* Идентичность: стремление к признанию и политика неприятия. М.: Альпина Паблишер, 2019.
- Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003.
- Холл С.* Вопрос культурной идентичности / пер. с англ. Л. Бобряшовой // Художественный журнал. 2010. № 77–78.
- Цветкова О.В.* Региональная и этническая идентичность как фактор разграничения политического пространства // Известия Тульского гос. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2017. № 1. С. 68–73.
- Эрикссон Э.* Идентичность: юность и кризис / пер. с англ., общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. М.: Прогресс, 1996.
- Юм Д.* Трактат о человеческой природе / пер. с англ. С.И. Церетели. М.: АСТ, 2022.

- Allen B., Schlereth T.J.* Sense of place: American regional cultures. University Press of Kentucky, 1992.
- Anderson B.* The nation and the origins of national consciousness // The Ethnicity Reader: Nationalism, Multiculturalism and Migration. 2010.
- Anderson B.* Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London: Verso, 1983. (Рус. изд.: *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В.Г. Николаева; вступ. ст. С.П. Баньковской. М.: Кучково поле, 2016.)
- Berger P.L., Luckmann T.* The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge. Garden City, NY: Anchor Books, 1966. (Рус. изд.: *Бергер П.Л., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. с англ. Е.Д. Руткевич. М.: Медиум, 1995.)
- Bialasiewicz L.* Upper Silesia: Rebirth of a regional identity in Poland // Regional & Federal Studies. 2002. Vol. 12. No. 2. P. 111–132.
- Brewer M.* The Many Faces of Social Identity: Implications for Political Psychology // Political Psychology. 2001. Vol. 22. No. 1. P. 115–125.
- Brigevich A.* Regional identity and support for Europe: Distinguishing between cultural and political social identity in France // Regional & Federal Studies. 2016. Vol. 26. No. 4. P. 475–507.
- Campbell A., Converse P.E., Miller W.E., Stokes D.E.* The American Voter. Wiley, 1960.
- Castells M.* Globalization and identity: A comparative perspective // Transfer. 2006. No. 1. P. 56–65.
- Conway M.A.* The Inventory of Experience: Memory and Identity // Collective Memory of Political Events / W. Pennebaker, D. Paez, B. Rime (eds). London: Routledge, 1997. P. 21–46.
- Crang M.* Nation, Region and Homeland: History and Tradition in Dalarna, Sweden // *Ecumene*. 1999. Vol. 6. No. 4. P. 447–470.
- Eisenstadt S.N., Giesen B.* The construction of collective identity // Europe — Space for Transcultural Existence? 1995. Vol. 1.
- Gellner E.* Nations and Nationalism. Ithaca: Cornell University Press, 1983. (Рус. изд.: *Геллнер Э.* Нации и национализм / пер. с англ. И.И. Крупника. М.: Прогресс, 1991.)

- Giordano B.* Italian regionalism or “Padanian” nationalism — the political project of the Lega Nord in Italian politics // *Political Geography*. 2000. Vol. 19. No. 4. P. 445–471.
- Graham B., Shirlow P.* The Battle of the Somme in Ulster Memory and Identity // *Political Geography*. 2002. Vol. 21. No. 7. P. 881–904.
- Greenfeld L.* Nationalism: Five roads to modernity. Harvard University Press, 1992.
- Gren J.* New regionalism and West Sweden: The factors of change in the regionalism paradigm // *Regional & Federal Studies*. 2002. Vol. 12. No. 3. P. 79–101.
- Hall S., Du Gay P.* (eds). Questions of cultural identity: SAGE Publications. Sage, 1996.
- Ham P.* The Rise of the Brand State: The Postmodern Politics of Image and Reputation // *Foreign Affairs*. 2001. No. 5. P. 2–6.
- Harner J.* Place identity and copper mining in Sonora, Mexico // *Annals of the Association of American Geographers*. 2001. Vol. 91. No. 4. P. 660–680.
- Hart D., Richardson C., Wilkenfeld B.* Civic identity // *Handbook of Identity Theory and Research*. 2011. P. 771–787.
- Hobsbawm E.J.* Age of extremes: The short twentieth century, 1914–1991. Abacus, 1995. (Рус. изд.: *Хобсбаум Э.* Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914–1991) / пер. с англ. А. Никольской, О. Лифановой. М.: АСТ, CORPUS, 2020.)
- Hobsbawm E.* The Invention of Tradition / E. Hobsbawm, T. Ranger (eds). Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
- Johnson C., Coleman A.* The internal other: Exploring the dialectical relationship between regional exclusion and the construction of national identity // *Annals of the Association of American Geographers*. 2012. Vol. 102. No. 4. P. 863–880.
- Jorgensen B.S., Stedman R.C.* A comparative analysis of predictors of sense of place dimensions: Attachment to, dependence on, and identification with lakeshore properties // *Journal of Environment Management*. 2006. Vol. 79. P. 316–327.
- Kaltenborn B.P., Bjerke T.* Associations between environmental value orientations and landscape preferences // *Landscape and Urban Planning*. 2002. Vol. 59. P. 1–11.

- Katz B., Nowak J.* The new localism: How cities can thrive in the age of populism. Brookings Institution Press, 2017.
- Keating M.* Rethinking the region: Culture, institutions and economic development in Catalonia and Galicia // *European Urban and Regional Studies*. 2001. Vol. 8. No. 3. P. 217–234.
- Laclau E., Mouffe C.* Hegemony and socialist strategy: Towards a radical democratic politics. Verso Books, 2014.
- Lakoff G.* The all new don't think of the elephant: Know your values and frame the debate. Chelsea Green Publishing, 2014.
- Lenard P.T., Miller D.* Trust and National Identity // *The Oxford Handbook of Social and Political Trust*. Oxford University Press, 2018.
- Liu J.H. et al.* Representing World History in the 21st Century: The Impact of 9/11, the Iraq War, and the Nation-State on Dynamics of Collective Remembering // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2009. Vol. 40. No. 4. P. 667–692.
- Lynch K.* A theory of good city form. Cambridge: MIT Press, 1981.
- Lynch K.* The image of the city. Cambridge: MIT Press, 1960.
- Mackenzie A.F.D.* Re-claiming place: The Millennium Forest, Borgie, North Sutherland, Scotland // *Environment and Planning D: Society and Space*. 2002. Vol. 20. No. 5. P. 535–560.
- Nijman J.* Cultural globalization and the identity of place: The reconstruction of Amsterdam // *Ecumene*. 1999. Vol. 6. No. 2. P. 146–164.
- Obst P.L., White K.M.* An exploration of the interplay between psychological sense of community, social identification and salience // *Journal of Community & Applied Social Psychology*. 2005. Vol. 15. P. 127–135.
- Paasi A.* Region and place: Regional identity in question // *Progress in Human Geography*. 2003. Vol. 27. No. 4. P. 475–485.
- Painter J.* Multi-level citizenship, identity and regions in contemporary Europe // *Transnational Democracy*. London: Routledge, 2002. P. 107–124.
- Pratt G.* Geographies of identity and difference: Making boundaries // *Human Geography Today*. 1999. P. 151–167.
- Pretty G.H., Chipuer H.M., Bramston P.* Sense of place amongst adolescents and adults in two rural Australian towns: The discriminating features of place attachment, sense of community and place dependence in relation to place identity // *Journal of Environmental Psychology*. 2003. Vol. 23. P. 273–287.

Д.С. Чебанова, М.А. Еременко, Д.А. Сорокин

- Radcliffe S., Westwood S.* Remaking the nation: Identity and politics in Latin America. London: Routledge, 2005.
- Richardson J.E., Wodak R.* The Impact of Visual Racism: Visual Arguments in Political Leaflets of Austrian and British Far-right Parties // *Controversia*. 2009. Vol. 6. No. 2. P. 45–77.
- Rollero C., Piccoli N. De.* Does place attachment affect social well-being? // *Revue Européenne de Psychologie Appliquée*. 2010. No. 60. Iss. 4. P. 233–238.
- Schumann W.R., Fowler C.* Globalization, Identity, and Activism in Appalachia and Wales: Comparing the Political Economy of Representation in Two Marginal “Regions” // *Journal of Appalachian Studies*. 2002. Vol. 8. No. 2. P. 333–361.
- Shao Y., Lange E., Thwaites K.* Defining Local Identity // *Landscape Architecture Frontiers*. 2017. Vol. 5. No. 2. P. 24–41.
- Sletto B.* Boundary making and regional identities in a globalized environment: Reordering the Nariva Swamp, Trinidad // *Environment and Planning D: Society and Space*. 2002. Vol. 20. No. 2. P. 183–208.
- Smith A.D.* Myth and Memories of the Nation. Oxford: Oxford University Press, 1999.
- Tomaney J., Ward N.* A Region in Transition: North East England at the Millennium. London: Routledge, 2017.
- Valera S., Guàrdia J.* Urban social identity and Sustainability Barcelona’s Olympic Village // *Environment and Behavior*. 2002. Vol. 34. No. 1. P. 54–66.
- Winkler I.* Emotions and Identity // *The Oxford Handbook of Identities in Organizations*. Oxford University Press, 2020. P. 1–31.
- Wrobel D.M., Steiner M.C.* Many wests: Place, culture & regional identity. University Press of Kansas, 1997.
- Zube E.H.* Environmental psychology, global issues and local landscape research // *Journal of Environmental Psychology*. 1991. Vol. 11. Iss. 4. P. 321–334.

Paradoxes of Local Identity: Young People Navigating Their Place in Society: collective monograph / ed. by Valeria A. Kasamara, Yulia Yu. Belova; HSE University. — Moscow : HSE Publishing House, 2025. — 248 pp. — 600 copies. — ISBN 978-5-7598-4126-5 (pbk.). — ISBN 978-5-7598-4090-9 (e-book).

This monograph has been prepared by the Institute for Applied Political Studies at the National Research University Higher School of Economics (HSE University) and is based on a series of field expeditions conducted in 2022 under the project “Models of Local Identity and the Socio-Political Practices of Russian Youth.” The study focuses on young people aged 22 to 35 in four regions of Russia: Pskov Oblast, the Karachay-Cherkess Republic, Chelyabinsk Oblast, and Kamchatka Krai. The research design employs the “long table” method and draws on I.E. Shteinberg’s “eight-window” sampling model. Over 450 in-depth interviews were conducted during the expeditions, involving a diverse range of respondents with different migration attitudes – including those wishing to leave, to remain, to return to the region, or to move there from elsewhere — as well as experts in the field of youth policy. The monograph explores how local identity and migration attitudes among young people coexist, intersect, and at times conflict with one another.

The book is addressed to professionals in the field of youth policy, sociologists, political scientists, and demographers as well as anyone engaged with issues of local identity and youth (out)migration from Russia’s regions.

Научное издание

**Парадоксы локальной идентичности:
как молодежь ищет место под солнцем**

Зав. книжной редакцией *Е.А. Бережнова*
Редактор *Т.В. Фомина*
Дизайн обложки: *В.П. Коршунов*
Компьютерная верстка: *С.В. Родионова*
Корректор *О.В. Кириллова*

Все новости издательства — <http://id.hse.ru>

По вопросам закупки книг обращайтесь в отдел реализации
Тел.: +7 495 772-95-90 доб. 15295, 15296, 15297
bookmarket@hse.ru

Подписано в печать 30.06.2025. Формат 60×88/16. Гарнитура Newton
Усл. печ. л. 15,0. Уч.-изд. л. 12,2. Тираж 600 экз. Изд. № 2877

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20
Тел.: +7 495 772-95-90 доб. 15285

Отпечатано ООО «Фотоэксперт»
109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42